

История и судьбы

Шуваева Александра Николаевна: — Почти всю жизнь я дояркой работала в большой деревне Тамбовской области Новоорьево (сама деревня километров на 10 растянулась). Тяжело было: для фермы ничего не обустроено, все плохо, все на улице. Ничего механического не было, вручную доили коров. А по 25 коров на доярку выходило! Может быть, тогда астму и заработала. А возможно и по наследству передалась болезнь по отцовской линии. Коровы наши были худосочные — и потому удои небольшие. Вот и пенсию маленькую заработала. Сама доярка, а муж шофером работал. Труд был тяжелый и у шоферов — по бездорожью-то как, легко ли?! всю жизнь грязь месили — везде с флягами, бачками, корзинками. Свеклу, бывало, привезут, она — лед с песком да глиной вперемежку; мешки тяжелые приходилось ворочать...

Родилась я в военном 1942 году. Мама моя, Евдокия Степановна, родом из Тамбовской области, а отец был из Липецкой. В Орехово-Зуеве они на производстве познакомились, поженились. Но война их разлучила.

Воспитывалась я с матерью и ее старшей сестрой, которая всех малышей (шестеро их было и мать мою, самую младшую) после смерти деда и бабушки от тифа поднимала на ноги. Родители мамы умерли, когда матери моей было всего 5 лет. У старшей сестры своих детей было четверо. Но братьев-сестер своих малых не бросила в голодное время. Пришла в родительский дом и жила с такой огромной семьей.

Баба с дедом и мама с сестрой — они все были единичники, в колхоз не пошли. За это тогда наказывали, недоступны были для единичников поля колхозные. Но огород у нас был, соток 20. Картошку, свеклу сажали. Ко за у нас была. Как могли, так и выживали.

Они с Богом жили, потому и называли их единичниками. Потому и в колхоз не пошли. Они и голосовать на выборы (Боже сохрани!) не ходили, прятались. А их ругали, искали, до ночи за ними с этим ящиком для голосования ходили. А мама с сестрой замки на дом вешали и где-то хоронились допоздна. Они строго и посты соблюдали. И я с ними с детства часто скромное не ела. А как ждали Пасху! Для детей это особый был праздник, когда в доме все убирают, пекут, готовятся.

Шуваев Иван Павлович: — Тогда вера намного сильнее была, чем сейчас. Тогда нам мать, чтобы до конца праздничной обедни яйца дала — избави Бог! Вот служба отойдет — тогда кушайте, разговляйтесь! Раньше и молодежь почтительнее была. И нас мать так учила: когда батюшка мимо пройдет — поклониться ему. А сейчас что?! Мало уважительности у молодых.

Шуваева Александра Николаевна: — Маме моей старший брат помог, она выучилась на мотористку, работала на торфоразработках. Тогда она и замуж вышла. Вскоре война началась. Отца сразу на войну взяли. Мать вернулась обратно в родной дом на Тамбовщину. Почти заново пришлось дом отстраивать, пока пустой он стоял, из него растаскали все, что могли. Все мамыны братья и сестры старшую сестру как мать почитали. Как выросли, все ей помогали. Свои-то дети у нее почти все умерли, один сын в живых остался. Его взяли в армию, как раз и война! Он в госпитале от тяжелых ранений скончался. Похоронили его по-христиански, на могилке крест поставили. Тогда все мамыны братья тоже ушли на фронт, только самый старший, больной после Финской войны, дома оставался.

А отец, раненый на войне, лежал в госпитале в Казани. Наверное, году в 42-м. Он прислал маме письмо, чтобы махорки привезла ему. Я только-только у мамы родилась. Ее отговорили ехать в такую даль с младенцем. Отец, когда уходил на фронт, маме не разрешил возвращаться в Тамбовскую деревню. Она его не послушала. Уехала. Они с сестрой всякие тряпки на хлеб, на соль меняли, чтобы выжить. А тяжело-то как было — в войну стакан соли стоил 50 рублей! Но соседи у нас хорошие были, помогли. И дом восстановили всем миром. Жили-перебивались. Но отец тогда обиделся на маму, что им никто не поуждался, с войны не вернулся к нам. Позже у него другая семья появилась.

Я уже в третьем классе училась, когда впервые мне показали — вот твой отец. Новая жена его очень хорошая

Ты и за меня помолись!

В доме у супругов Шуваевых больше всего поражает иконостас. При взгляде на него рука сама собой поднимается для крестного знамения. Он торжественный. Важный. Праздничный. И красуется в том самом Красном углу, где ему и положено быть. И сияет удивительной белизной рушников и блеском иконных кнотов. Наверное, такая вот лепота в добрую русскую старину встречала гостя в каждом доме. И здесь ни к чему вопросы о том, как относятся хозяева к Богу. Конечно, любят Его. Стараются жить по совести, значит, по-христиански. Собственно, и вся жизнь этой семьи вольно или невольно была под Богом, Который помогал и продолжает помогать, по-прежнему, простым труженикам сельской нивы. А по вере мужа и по молитвам жены в их жизни случались настоящие чудеса.

Женщина была, соглашалась, чтобы он к маме вернулся, но мама моя не захотела. Хотя с новой женой у мамы установились очень хорошие отношения, даже дружеские. А я сама потом к отцу часто в гости ездила, он нам помогал. А в основном, меня одну мама со старшей сестрой тянули, как могли. Самим-то им, наверное, доставалось крепко, но меня это не коснулось.

Я была еще девочкой-подростком. Но маме старалась помогать. Учиться, конечно, не училась, семь классов и все. Потом замуж вышла. Когда замуж вышла — на мне было одно пальто шитое из полусукна. Скромно жили. Тогда почти все так. Семья у мужа была большая, а я одна у матери росла, у нее сначала и жили. Позже свой дом построили. Четверо детей у нас — трое на Тамбовщине родились. А один в Сибири. Мы с мужем туда по молодости уехали — в Иркутск на заработки. Там работали в лесу на добыче смолы, живица она называлась. И большие деньги на ней зарабатывали. Смола сосны очень полезна, ее собирали в медицинских целях. Сначала специальными железными приспособлениями ошкуривали дерево. Другими инструментами делали надрезы елочками, а смола через воронку натекала, и рабочие ее собирали в бочки. Работа не из легких — вставать утром рано, всегда на работе все мокрые с головы до ног... Заработки неплохие, но ничего мы не заработали. На Севере же все очень дорого, а мы с нуля начинали. Что зарабатывали, то и проели. Всего год там прожил, сын у меня там родился, и обратно вернулись.

В Новоорьевом у нас очень хороший храм был. Он и сейчас стоит. В войну был закрыт. А после войны мы с мужем в нем венчались. Все село церкви придерживалось. В основном, на Михайлов день у нас бывали свадьбы. И на Иван-Крестителя, наутро после Крещения, сразу венчались. И на Красную горку. Много свадеб сразу. Село-то большое. Красиво так: лошадей и свадебные кареты украшали лентами, бубенцами. У невесты тогда не фата была, а цветы восковые надевались с лентами на голову.

Бабушка (мамина сестра), конечно, тоже с детства меня водила в церковь. А как ждали мы все Пасху! Бывало, соберемся с подругами и на пальцах считаем, сколько дней осталось. Потом яйца собирали и считали, кому кто сколько даст. Родственники детей старались радовать на святой неделе.

И платица новые дарили обязательно к Пасхе. До войны мы получше жили. А в войну всю одежду на хлеб-соль поменяли. Мама тогда частенько в район ездила, семечки продавала, помню, чтобы денег выкроить и мне новое платьице пошить. А с ночной пасхальной службы возвращались рано, до света еще. Разговлялись да спать ложились. А мне и спать не хотелось, так торопилась на улицу в новом платьице! Ой, сколько тогда было радости!

Свои дети у нас хорошие! Вот еду в машине с Сашей, например, смотрю, он крестится на церковь, которую проезжаем. А еще у нас шесть внуков. Все в Москве живут. Наверное, нас так воспитывали, и мы также своих детей воспитали. И внуки такие же послушные, как и дети.

Сашу родила в 72-м году. А ему годика два исполнилось, и я заболела. Стала задыхаться. Астма у меня началась. Тогда еще дояркой работала. Сначала не понимала, что такое со мной происходит. Потом мне медсестра одна помогла очень. Как только начну задыхаться, сразу к ней — эуфиллин она в вену вводит и дыхание нормальное опять. Но всерьез я долго не лечилась. И довела себя совсем. Из больниц не выходила. Мне стали кислород уже давать. А подушка кислородная кончается — я опять умираю. В районной больнице какие-то уколы делают, вроде, мне легче. Домой вернусь, через два-три дня опять все снова.

Потом меня в Тамбов отправили в областную больницу. И вот однажды во время тихого часа, когда вся палата спала,

Чтит и прославляет Бога, кто исполняет волю Его; а бесчестит Бога, кто преступает закон Его.

Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного (Мф. 5:16).

Свят. Василий Великий «Нравственные правила»

это случилось, я так и не поняла, сон это был или явь. Вдруг меня кто-то сзади за плечо толкнул и говорит: «Ну, ты хотела узнать про болезнь свою?! Вон у девочки этой спроси, она все про тебя знает». Гляжу — в углу стоит такая небольшая кроватка, как у куклы. На кроватке лежит девочка живая маленькая. И я к ней подхожу и спрашиваю: «Вот я так сильно болею. Скажите, пожалуйста, где мне полечиться? Может, у Кашпировского или у Чумака (это у экстрасенсов-то)?» Она строго смотрит и спрашивает: «У сатаны?!» Я остолбенела, потом говорю: «Так что мне делать-то?» Она и отвечает: «А в следующем году вы совсем болеть не будете!» И я прямо сразу успокоилась, с радостью отошла от нее. Да про болезнь сына еще захотела узнать, повернулась, а никого уже нет. Тем видение и кончилось.

Пролечилась я в Тамбовской больнице. Домой вернулась. Через три дня у меня опять приступ. А тогда как раз моя золовка, Шура Артемова ко мне приехала, да заставила меня собраться и ехать, чтобы показать хорошему московскому врачу. Был тогда при одном Министерстве очень хороший специалист, врач Михаил Петрович, в Васильевском у него была дача. И мои золовки были с ним знакомы. И сумели меня поместить в больничной санаторий, где всякие министерские начальники лечились и их родственники. И я там, правда, подлечилась хорошо. В 89-м году я там лежала. На самом деле, целый год потом меня не тревожила. Так и сбилось то предсказание девочки. Только не догадываюсь, кто она была.

Но я не смогла потом выполнить все предписания тех врачей, и иногда у меня приступы еще бывают. Все ингаляторами спасаюсь.

Батюшке Сергию покойному, помню, рассказывала, что у меня еще кроме астмы поджелудочная болит. И потому я посты не могу строго соблюдать. Мясо-то не ем, а молоко пью. В детстве постилась, а теперь нарушаю. А сейчас как подумаю — он же сам больной-пребольной, а я ему такое говорила! Великим постом это было. Спрашивает меня: «А к причастию готовилась?» — «К причастию, — говорю, — готовилась. Три дня. Да после опять молоко есть буду!» «Да, — вздохнул батюшка, — это, как дырка-то в заборе прохудилась, ты ее на время залатала, тем и отделалась!»

А недавно на исповеди говорю: «Вот, батюшка, все людей судим». А он спрашивает меня: «А на судью-то учи-лась?» А и, правда, не училась. Да ведь и сама знаю, что Господь в Евангелии написал: «Не суди да не судим будешь!» Сказано просто, а исполнять трудно.

Шуваев Иван Павлович: — Ну, вот, а кто у нас чистый, кроме Иисуса Христа? Ну, кто? Все мы такие грешные. Надо говорить: грешные, да и все!

Шуваева Александра Николаевна: — Грешный сам, а в церковь не идешь! А я когда в храме ко кресту подхожу, мне батюшка каждый раз говорит: «Передай пожелание здоровья своему супругу!»

Шуваев Иван Павлович: — Жена у меня и к обедне, бывало, еще в родном селе в воскресенье ходит. И на кладбище пойдет. Там моих родных да свою мать помянет. А я ей говорю: «Ты там и за меня помолись!» Я в Иисуса Христа верую! Вот видишь, какой иконостас у нас? Это как в деревнях раньше было: в красном углу да в белых занавесках! Ни у кого в деревне таких нет.

И мне Бог тоже помогал всегда. Когда шофером работала, у меня женщина из кузова вылетала. И ничего, слава Богу, жива-здоровая. Сам два раза перевертывался в машине, раз в реку упал и все ничего! Вот недавно дети нам с матерью по кресту подарил, по золотому. И я Его всегда вспоминаю: «Прошу, Тебя, Господи ...!»

Шуваева Александра Николаевна: — Вот с мужем моим, Иваном, тоже удивительный случай был. У него легкие больные. Лег он в больницу как-то. А в палате шесть человек — и все некурящие. Один Иван курит. Другие ему и говорят: «Как же ты легкие хочешь вылечить, Ваня, если так сильно куришь?!» Он и говорит: «Вот последнюю сейчас докурю и брошу!» И бросил. С тех пор не курит уже 9 лет и не выпивает. Ровно столько, сколько мы в Васильевском живем. Он сказал тогда: «Это мне Господь и Матерь Божья помогли!»